

place aimed at unifying administrative management in the Dagestan, Terek, Kuban regions, the Black Sea province, and the Sukhumi district.

Keywords: post-reform Russia, empire, internal politics, North Caucasus, highlanders, peoples, administrative structure, unification of management

ВАСИЛЬЕВ Юрий Альбертович – доктор исторических наук, профессор Московского гуманитарного университета (111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5; region@mosgu.ru)

ШЕВЕЛЬКОВ Анатолий Иванович – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного строительного университета (129337, Россия, г. Москва, Ярославское ш., 26; kanz@gsu.ru)

АГРАРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД А.В. ЧАЯНОВА

Аннотация. В публикации освещаются основные аспекты научной парадигмы А.В. Чаянова, основанные на интерпретации объективных закономерностей развития аграрной сферы в период новой экономической политики в России. Представлена постановка вопроса и авторское обоснование эволюции позиции Чаянова в данном вопросе в конце 1920-х гг.

Ключевые слова: А.В. Чаянов, Россия, крестьянство, аграрная сфера, крестьянское хозяйство, госкапитализм, индустриализация, коллективизация

В 1920-е гг. А.В. Чаянов стал одним из главных теоретиков так называемого организационно-производственного направления российской экономической мысли. Предметом своих исследований он избрал изучение крестьянского хозяйства «с организационной точки зрения», «морфологию трудового крестьянского хозяйства». В земледельческом производстве Чаянов отмечал различие между крупным артельным и крестьянским кооперативным хозяйствами. Последнее, на его взгляд, организационно превосходит все остальное. Чаянов доказывал невозможность распространения господства капитала на все явления экономической жизни, недостаточность пользования исключительно только категориями капитализма. Сельское хозяйство, отмечал ученый, построено в основной своей части не на капиталистических началах, а на основе трудового семейного хозяйства, которому свойственны иные мотивы хозяйственной деятельности и даже иное понимание выгодности. Мотивация хозяйственной деятельности крестьянина отлична от мотивации предпринимателя [Васильев 2011: 5].

В чаяновском анализе преимуществ и недостатков различных видов хозяйств можно отметить следующие особенности. Деятельность трудовых крестьянских хозяйств ориентирована на обеспечение достаточного уровня потребления семьи путем наиболее полного использования имеющихся в ее распоряжении средств производства и рабочей силы самой семьи. Эта деятельность управляется прежде всего внутренними регуляторами: в результате затрат годовичного труда семья получает единый трудовой доход и соизмеряет свои усилия с получаемым материальным результатом. В крестьянском хозяйстве тоже сравниваются результаты и затраты, но по-иному, чем на капиталистическом предприятии. Далеко не все, что выгодно капиталистическому предприятию, оправданно с точки зрения трудового крестьянского хозяйства, и наоборот, деятельность, заведомо непривлекательная для капиталиста из-за низкой при-

были, вполне устраивает крестьянина. Ведь для капиталистического хозяйства критерием выгоды является не столько общая выручка хозяйства, сколько разница между этой выручкой и затратами, т.е. прибыль. В этом кроется причина устойчивости и сопротивляемости крестьянских хозяйств экономическим невзгодам [Чаянов 1989б: 181, 184, 205, 207, 210, 264, 305].

Для анализа внутрихозяйственных процессов и установления природы мотивации хозяйственной деятельности крестьянской семьи применялась теория потребительского баланса. Суть ее в следующем: крестьянская семья расширяет производство прежде всего ради удовлетворения своих потребностей, причем до определенного предела, пока тягостность усилий не превысит полезность добываемых этими усилиями ценностей. Как только переходит граница равновесия между тягостностью труда и полезностью его результатов, хозяйственная деятельность становится все менее интенсивной, а затем прекращается.

Приведенный анализ мотивации хозяйственной деятельности отвергал популярную в свое время концепцию, объединяющую в одном лице крестьянина как предпринимателя-капиталиста и эксплуатируемого им рабочего (нередко, сознательно или нет, некоторые авторы путают эту концепцию с взглядом на двойственность крестьянина – как собственника и труженика, что далеко не одно и то же). Данная концепция представлялась Чаянову сомнительной, слишком натянутой и искусственной, поскольку скорее запутывала факты, чем объясняла их. Крестьянское хозяйство как хозяйство предпринимательское допустимо только в условиях капиталистического строя, крестьянское хозяйство как организационная форма существует и в других народнохозяйственных системах, где нет категории наемного труда [Чаянов 1989б: 207; 1989а: 304-306, 310].

Спор о преимуществах крупного или мелкого хозяйств Чаянов считал беспредметным. По его мнению, при равных условиях хозяйство крупное имеет бесспорные преимущества. Этот тезис он называл основным экономическим законом, который нелепо отрицать. Но превосходство крупного хозяйства не беспредельно – в разных отраслях сельского хозяйства оно далеко не одинаково: в одних отраслях преимущества подавляюще, в других – ничтожны. Поэтому важнее не признание абстрактного факта превосходства, а определение количественной величины конкретного преимущества крупного хозяйства над мелким. Так вот, как раз в земледелии это количественное выражение оказывается незначительным. Обратимся к обоснованию данного положения.

Существуют объективные пределы в укрупнении сельскохозяйственных предприятий, которые зависят от конкретных экономических, социальных, исторических, технических особенностей и условий. Чем крупнее хозяйство, тем больше затраты, в конечном итоге это сказывается на себестоимости продукции. Выгода, получаемая от укрупнения, поглощается ростом затрат на интенсификацию и транспортные издержки. В итоге количественное выражение преимущества крупного хозяйства над мелким в земледелии никогда не может быть особенно большим, особенно в сравнении, например, с обрабатывающей промышленностью. Поэтому оно не может ни погасить недостатки крестьянского земледелия, ни, тем более, выявить некоторые достоинства семейной формы производства [Чаянов 1989б: 184-188].

Чаянов разработал теорию дифференциальных оптимумов. Суть ее в том, что в сельскохозяйственном производстве все явления и процессы имеют свои оптимальные размеры: обеспечивается соответствие между размерами земельной площади, количеством применяемой техники, числом работников. В

результате в каждой отрасли или регионе крестьянские хозяйства имеют свою оптимальную структуру и размеры на разных стадиях технологического развития. Если хозяйство оказывается меньше или больше оптимального размера, эффективность его начинает снижаться. Оптимальный размер земледельческого хозяйства вовсе не соответствует оптимальному размеру перерабатывающего аграрного предприятия. Оптимум заложен там, где при прочих равных условиях себестоимость продукции наименьшая. Разработанная Чаяновым методика его определения строго научна.

В старом споре «о борьбе крупного и мелкого земледелия» Чаянов усматривал изначальную ошибочность самой постановки вопроса. В рассуждениях о крупном и мелком хозяйствах противопоставляется количество количеству. На самом деле существует качественное противопоставление трудового крестьянского хозяйства, которое ведется силами семьи, и капиталистического хозяйства, построенного на наемном труде. Причем, по замечанию ученого, между капиталистическим и трудовым земледелием в сущности никакая активная борьба не ведется: реальна лишь проблема сравнительной выживаемости той или иной хозяйственной формы, сравнительной их сопротивляемости экономическим кризисам и невзгодам.

Чаянов выдвинул на первый взгляд парадоксальное утверждение: земледельческое капиталистическое хозяйство в силу своей меньшей сопротивляемости и выживаемости было бессильно внедрить в организацию земледелия крупные формы хозяйства — этот процесс, как ни странно, выпал на долю трудового крестьянского хозяйства [Чаянов 1989б: 188, 189]. Что имел в виду Чаянов?

Для обоснования данного положения он разработал схему развития кооперативной концентрации хозяйственной деятельности, объясняющую основную роль капитализма. Содержание ее в следующем. Капиталистический рынок разложил натуральный строй крестьянского хозяйства и втянул эти хозяйства в денежно-торговый оборот. Те или иные технические или экономические процессы, которые не в состоянии самостоятельно осилить мелкие хозяйства, выделялись из индивидуального хозяйства и организовывались совместными усилиями на стороне в крупное коллективное предприятие кооперативного типа. Не разрушая тех сторон хозяйствования, где оно выгоднее в мелкой форме, в крупное выделялось одновременно то, что дает наибольший эффект именно в этой форме. Поэтому кооперативное трудовое хозяйство оказывалось наиболее совершенной формой земледельческого предприятия. Оно превосходило обычное мелкое крестьянское хозяйство в тех сторонах своей организации, в которых укрупнение дает положительный эффект, и превосходило капиталистические предприятия в тех случаях, где мелкое семейное хозяйство оказывается более приспособленным [Васильев 1992: 70-72].

Подобный анализ снимает внешнюю парадоксальность приведенного выше чаяновского утверждения. Крестьянское хозяйство выступало своеобразным генератором внедрения крупных форм хозяйствования. Коллективизировались те отрасли предприятия, в которых крупная форма производства имела значительные преимущества над мелкой, в индивидуальном крестьянском хозяйствании оставались те его отрасли, которые лучше организуются в мелком предприятии. Итоговый вывод Чаянова таков: далеко не все отрасли земледелия подлежат кооперации, вследствие чего кооперативный коллективизм имеет свои пределы, оставляющие значительный объем деятельности семейному хозяйству. Что касается преувеличения заслуг кооперации некоторыми исследователями, то здесь Чаянов дал такую оценку: как в дореволюционной России, так и во всех капиталистических странах кооперация представляла

собой не более чем приспособление мелких производителей к условиям капиталистических отношений, не более чем средство в борьбе за существование. Поэтому никакого нового общественного строя она не представляла и не могла представлять [Чаянов 1989б: 189, 190, 263; Чаянов 1989а: 330].

Чаянов поддержал положение о том, что вовлечение сельского хозяйства в общую систему капитализма, развитие капиталистического влияния и концентрации в аграрной сфере вовсе не должно обязательно происходить в форме создания крупных капиталистических производств, построенных на базе наемного труда, зарождения и развития крупных хозяйств-латифундий. Более вероятен путь наступления капитала в формах торгового и финансового капитализма, захватывающего господство над значительными сельскохозяйственными районами и даже регионами. Между тем в производственном отношении по-прежнему главную роль играли мелкие семейно-трудовые крестьянские хозяйства, в своей внутренней организации подчиняющиеся законам трудопотребительского баланса [Чаянов 1989а: 314, 318].

Рассуждения Чаянова основывались на реалиях того времени, в котором он жил и работал. Замена распыленного крестьянского хозяйства предполагала становление форм концентрированного производства как условия организационного овладения процессами сельскохозяйственного производства. Но развитие концентрации мыслилось на основе объективных экономических факторов [Васильев 1995: 266], ни в коей мере не на стремлении осуществить «коммунизацию производства», кооперировать все процессы сельскохозяйственного производства в «интегральную» земледельческую артель.

Оптимальным вариантом аграрной динамики в переходной период Чаянов считал систему государственного капитализма, которая способна увязать крестьянскую стихию в общую систему и, подчинив ее регулирующему влиянию государства, ввести в общую систему государственного планового хозяйства. Едва ли не единственным методом вовлечения сельского хозяйства в систему госкапитализма называлась сельскохозяйственная кооперация. Путь кооперативной коллективизации, постепенного и последовательного выделения отдельных частей от индивидуальных хозяйств и организации их затем в высших формах крупных общественных предприятий признавался Чаяновым единственно возможным в тех условиях способом внесения в крестьянское хозяйство элементов крупного хозяйства, индустриализации и государственного планирования.

Государственный капитализм, развивающийся в кооперативных формах, по мнению Чаянова, должен неминуемо пройти ряд последовательных фаз своего развития, вследствие чего неизбежна значительная продолжительность процесса эволюции сельского хозяйства. Количественный рост элементов общественного хозяйства в аграрном секторе сопровождается становлением новой хозяйственной психологии. Поэтому в перспективе эволюция земледелия во многом проявится в постепенном отрицании основ семейного хозяйства, характерного для его времени.

В конце 1920-х гг. отмечается интерес Чаянова к макроэкономическому методу изучения социально-экономических явлений – перспективы аграрной сферы рассматривались в условиях развития всего народнохозяйственного комплекса. Определяя индустриализацию народного хозяйства страны как важнейшую задачу экономической политики, необходимо, считал Чаянов, детальнее уточнить содержание индустриализации. По его мнению, неправильно под индустриализацией подразумевать исключительно только развитие промышленности, т.к. промышленность не может совершенствоваться

без изменений сельского хозяйства. Поэтому индустриализация понималась Чаяновым как перестройка всего народного хозяйства в индустриальном направлении: увеличение удельного веса промышленности предполагало создание сырьевой базы для промышленности на основе товарных форм сельского хозяйства.

Процесс индустриализации страны, считал Чаянов, должен начаться с промышленности, поэтому именно в индустрию в первую очередь должны быть инвестированы основные материальные средства. Но уже через несколько лет неизбежно наступит разрыв между перестроившейся индустрией, с одной стороны, и сельскохозяйственной базой — с другой. В результате в пределах предположительно ближайшего пятилетия придется большую часть усилий и средств направить на организацию сельскохозяйственного сектора индустриализованного хозяйства, способного обеспечить прочное существование и развитие индустриальных элементов. Поэтому предлагалось: производя в ближайшие годы главные затраты в промышленность, транспорт и энергетику, одновременно в плановом порядке предусмотреть комплекс мероприятий, связанных с подъемом сельского хозяйства¹.

Воззрения Чаянова в 1929–1930 г. претерпели значительную эволюцию. В литературе существует мнение, что подобный поворот знаменует разрыв с прежней чаяновской концепцией трудового крестьянского хозяйства как основы аграрного сектора и не является результатом эволюции ученого — произошел вынужденный компромисс с системой «государственного коллективизма». Данная точка зрения обосновывается следующим тезисом: Чаянов понимал, что при новых политических реалиях крестьянское хозяйство сохраниться не может, но он не мог оправдывать и обосновывать мероприятия по административному насаждению колхозов. Характерно, что проблема мотивации труда, занимавшая ранее одно из центральных мест в творчестве Чаянова, в работах 1928–1930 г. практически не исследовалась.

Однако представляется, что внешне конформистская последняя программа Чаянова продиктована не только чувством самосохранения в условиях «великого перелома». Проще было бы уйти в тень, уехать за границу, где Чаянов был бы, несомненно, востребован как крупный и известный в мире специалист. Пафос работ Чаянова в 1929 г. можно объяснить объективным фактором, связанным с наметившимся в мире техническим переворотом, сопоставимым, по его оценке, с появлением паровой машины в индустрии: такой переворот в технику и организацию сельского хозяйства внесла триада машинной техники — гусеничный трактор, комбайн и автотранспорт. Данное обстоятельство, подчеркивал Чаянов, определило подавляющий перевес крупного механизированного хозяйства над другими формами организации сельского хозяйства: трактор, комбайн и автотранспорт позволили осуществить освоение огромных пространств и разрешить, наконец, вековую «воловью» проблему. Сельскохозяйственные страны вступили в период технической революции, сопоставимой с той, которую европейская промышленность пережила в начале XIX в., когда капиталистическая индустрия смела ремесленно-цеховые формы городского производства [Чаянов 1929а: 39, 40; Чаянов 1929б: 100].

Вполне вероятно, что воодушевление, вызванное объективным фактором (техническим переворотом, а не объявлением «великого перелома»), является объяснением того обстоятельства, что в 1929 г. Чаянов начал разработку модели

¹ *История Отечества в документах*. Ч. 2. 1921–1939 гг. М. 1994. С. 58–59.

организации зерновых фабрик (несколько лет назад именно он являлся решительным противником строительства «фабрик зерна»). Оптимальный размер сельскохозяйственных предприятий (зерносовхозов) для экстенсивных зерновых хозяйств, по его расчетам, мог составлять не более 800–1500 га: при больших размерах хозяйства возрастали расходы на транспорт, потери рабочего времени на доставку к месту работы, особенно в хозяйствах с конской тягой [Чаянов 1929б: 100–101].

С учетом новых объективных тенденций оценивалась перспектива мелких семейных хозяйств: крестьянское хозяйство, коллективизируя в кооперативных формах снабжение, сбыт, переработку, обязано коллективизировать свою основную производственную базу и тем самым перестать быть традиционным крестьянским хозяйством. Чаянов утверждал: мощное крупное хозяйство, вооруженное тракторной и другой техникой, добьется положительных результатов там, где бессильна техника мелкого крестьянского хозяйства. Данные установки в полной степени соответствовали официальной государственной линии.

Результат коллективизации в новой схеме Чаянова определялся в виде сверхкрупных хозяйств в несколько тысяч гектаров, а не карликовых колхозов. Проведение коллективизации предполагалось силами самого крестьянства. Такой подход трактовался в качестве главного направления аграрного развития [Чаянов 1929а: 50, 51; 1929б: 98]. Достижение указанной цели признавалось возможным в стране, производящей коренную реконструкцию всего народного хозяйства и располагающей всеми хозяйственными ресурсами.

Список литературы

Васильев Ю.А. 1992. *Деревня на распутье. К возрождению села: формирование условий жизнедеятельности и культуры быта*. М.: Молодая гвардия. 146 с.

Васильев Ю.А. 1995. Сельский социум в 60–80-е годы. — *СССР и холодная война*. М.: Мосгорархив. С. 249–268.

Васильев Ю.А. 2011. Очень странный российский капитализм. — *Власть*. № 9. С. 4–6.

Чаянов А.В. 1929а. Сегодняшний и завтрашний день крупного земледелия. — *Экономическое обозрение*. № 9. С. 39–51.

Чаянов А.В. 1929б. Техническая организация зерновых фабрик. — *Экономическое обозрение*. № 12. С. 95–101.

Чаянов А.В. 1989а. Организация крестьянского хозяйства. — *Избранные произведения*. М.: Московский рабочий.

Чаянов А.В. 1989б. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. — *Избранные произведения*. М.: Московский рабочий.

VASILIEV Yuriy Albertovich, Dr.Sci. (Hist.), Professor at Moscow University for the Humanities (5 Yunosti St, Moscow, Russia, 111395; region@mosgu.ru)

SHEVELKOV Anatoly Ivanovich, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor at Moscow State University of Civil Engineering (26 Yaroslavskoe Highway, Moscow, Russia, 129337; kanz@gsu.ru)

AGRARIAN EVOLUTION: THE VIEW OF A.V. CHAYANOV

Abstract. The publication highlights the main aspects of the scientific paradigm of A.V. Chayanov, based on the interpretation of objective patterns of the development of the agricultural sector during the period of the New Economic

Policy in Russia. The formulation of the question and the authors' justification for the evolution of Chayanov's position on this issue in the late 1920s are presented.

Keywords: A.V. Chayanov, Russia, peasantry, agricultural sector, peasant farming, state capitalism, industrialization, collectivization

АБАКУМОВА Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Курского государственного университета (305000, Россия, г. Курск, ул. Радищева, 33; abakumova64@yandex.ru)

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ МЕЩАНСКОГО СОСЛОВИЯ В ГОРОДАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Аннотация. Процесс модернизации в России не только вызвал количественное движение городского населения, но и привел к существенным переменам в сословной структуре городских центров. В статье рассматривается численность мещанского сословия в городах Центрального Черноземья во второй половине XIX в. Используя статистические данные, автор сравнивает, как менялась численность мещанского сословия с 1861 по 1897 г. в Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской губерниях. Результат исследования позволяет сделать вывод, что мещане по-прежнему оставались самым многочисленным сословием после крестьян.

Ключевые слова: мещанское сословие, города Центрального Черноземья, население, численность, динамика

Среди самых типичных проявлений развития Российской империи в социально-экономическом плане особенно выделялся процесс повышения демографического уровня, т.е. существенного увеличения населения, в т.ч. городского. Наиболее выраженный рост численности жителей городов имел место в рамках так называемого пореформенного периода. Это обстоятельство обуславливалось тем, что модернизация общества, происшедшая в 1860–1870-х гг., выступила детерминантом серьезных перемен в экономической и социальной сферах, а также привела к активному движению населения в основных городских центрах.

С 1861 по 1897 г. численность жителей губерний Центрально-Черноземного региона выросла на 70,1% (на 355 тыс. чел.)¹. Большая часть населения городов Центрального Черноземья изучаемого периода в основном была представлена мещанами. Являясь одним из самых многочисленных сословий, мещане имели крайне разнородный состав. Представители различных сосло-

¹ Подсчитано по: *Экономическое состояние городских поселений в 1861–62 г.* СПб: Тип. К. Вульфа. 1863. IX. Ч. I; Воронежская губерния: С. 3, 8, 11, 14, 17, 19, 21, 24, 26, 28, 31, 34; XVIII. Ч. I. Курская губерния: С. 3, 7, 10, 12, 14, 17, 19, 21, 23, 26, 29, 32, 34, 36, 38, 40, 42, 44; XXVI. Ч. II. Орловская губерния: С. 3, 8, 12, 16, 18, 22, 25, 27, 31, 34, 36, 39; XXXIX. Ч. II. Тамбовская губерния: С. 3, 7, 10, 13, 16, 19, 22, 25, 29, 32, 35, 38, 41; *Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897.* СПб: ЦСК МВД. 1904. IX. Воронежская губерния: С. 1; СПб. 1904. С. 1; XX. Курская губерния: С. 1; XXVI. Орловская губерния: С. 1; XLII. Тамбовская губерния: С. 1.